

Опасные
удовольствия

ИРИНА КОМАРОВА

СПИСОК ОПАСНЫХ ПРОФЕССИЙ

Ирина Михайловна Комарова

Список опасных профессий

Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42386728

Список опасных профессий: роман. / Комарова И.М.: Центрполиграф;

Москва; 2019

ISBN 978-5-227-08501-6

Аннотация

Младшая сестра Риты Рощиной, частного сыщика из агентства «Шиповник», собралась замуж. Марина решила сделать так, чтобы это знаменательное событие запомнилось не только ей, и превратила подготовку к свадьбе в разрушительное стихийное бедствие. Что-что, а сестренка способна сделать триллер даже из заказа свадебного букета. Расследование нового дела показалось Маргарите просто тихой заводью. Какая драма может быть в истории с предательством, коварством и убийствами по сравнению с организацией свадьбы младшей сестры?

Ирина Комарова

Список опасных профессий

Вы знаете, какое стихийное бедствие самое страшное и разрушительное? Думаете, ураган? Ошибаетесь. Тайфун, цунами, землетрясение? Нет, ничего подобного. Самое кошмарное и беспощадное, теперь я точно знаю, – это свадьба младшей сестры!

Наша Маринка собралась замуж за Борьку Маркина, и, разумеется, сестренке даже в голову не приходит, что ее ближайшие родственники могут не принять в подготовке этого эпохального события самое активное участие. Поэтому Маринка совершенно распоясалась и не желает понимать, что мы люди взрослые и работающие. Мама терпит: она человек старомодный и ей очень хочется иметь замужнюю дочь.

Конечно, мама предпочла бы, чтобы все шло по порядку, то есть сначала законным браком сочеталась бы старшая дочь, то есть я. Увы, единственный мужчина, которого я иногда привожу в дом, – это мой напарник, Гоша, а с ним у нас отношения исключительно дружеские. Про Витю Кириллова я маме даже не рассказывала, хотя это единственный человек, за которого я, пожалуй, согласилась бы выйти замуж... да что там «согласилась бы»! Бегом бы побежала, вприпрыжку, только бы позвал! Но Витька не позовет. Он вообще сложный человек, Кириллов. Конечно, сейчас я уже

не считаю, что он ко мне абсолютно равнодушен, хотя твердокаменным истуканом Витька прикидывается очень ловко. Но что именно он чувствует? Иногда мне кажется, что ничего, кроме раздражения, я у него не вызываю. А иногда...

Впрочем, я отвлеклась. Я ведь хотела на Маринку пожаловаться. Наша невеста на почве предсвадебной лихорадки за терроризировала всю семью. Вот, например, сегодня утром, когда я мирно завтракала, сестрица подняла крик по поводу свадебного букета.

– Ритка, ты что себе думаешь?! У меня свадьба через неделю, а ты до сих пор не была у флористов! Ты что, хочешь меня без свадебного букета оставить?!

Я едва не поперхнулась гречневой кашей.

– Маринка, имей совесть! Ты сама про него только вчера вечером вспомнила!

– Девочки, не ссорьтесь, – попросила мама из коридора. Они с папой уже позавтракали и собирались уходить. Занятия в школе начинаются в восемь, а родители привыкли приходить за полчаса до начала уроков.

– Сама ты об этом подумать не могла? – Маринка прислушалась к маминой просьбе и продолжила разговор уже не скандальным тоном, а почти жалобно. – В конце концов, у кого цветочный магазин в благодарных клиентах ходит? Сегодня же поезжай к ним!

Положим, благодарным клиентом (и не лично моим, а детективного агентства «Шиповник») является не сам цветоч-

ный магазин, а его хозяйка, Лилия Михайловна Безрукова. Совсем недавно мы спасли ее дочь и вернули внушительную коллекцию драгоценностей, поэтому Лилия Михайловна, хотя и оплатила совсем не маленький счет за услуги, все еще чувствует себя в долгу перед нами.

Госпожа Безрукова убедительно просила не обижать ее и, в случае если кому-нибудь из нас понадобится что-то имеющее отношение к флоре, обращаться к ней, и только к ней. Следовательно, попросить заняться букетом невесты именно меня было логично. Но попросить, а не потребовать! Я посчитала необходимым возмутиться:

– В конце концов, это не моя свадьба! Почему я должна бежать и заказывать тебе букет? У меня своих дел по горло!

– Ты просто мне завидуешь, вот и не хочешь помогать!

Мама, уже обутая, зашла на кухню и погладила меня по голове.

– Не ссорьтесь, – повторила она и точно так же погладила Маринку. – Мариночка, перестань нервничать, Рита все сделает, как надо. А ты, Рита, не дразни ее. Букет действительно нужен, и заказать его, кроме тебя, некому. У Марины сегодня примерка платья, потом нам с ней в кафе нужно, там еще не все вопросы решили. А папа хотел с машинами сегодня разобраться. Да и не хотела бы я ему букет поручать.

– Кроме тебя, некому! – подтвердила Маринка. – А что делать? Был бы у меня десяток сестер, тебе бы десятая часть хлопот досталась. А раз ты одна-единственная, то и отдувай-

ся за десятерых.

Папа выглянул из коридора и театрально прижал руку к сердцу:

– Если бы у меня было еще десять дочерей, я бы уже обживал тихую, уютную палату в сумасшедшем доме.

– Палату на двоих. – Мама подхватила его под руку и потянула к дверям. – Я с тобой.

– Только не ведись на разговоры, что вся Европа выходит замуж с пестрыми букетиками! – вспомнила Маринка. – Пусть эти цветочные дизайнеры с ума сходят, как хотят, но у Кейт Миддлтон был букет из белых роз! И у Шарлин Уиттсток тоже! Я хочу белые розы, запомни и не поддавайся, если тебя будут уговаривать на что-то другое!

– Кейт Миддлтон знаю, – остановилась на пороге мама. – А эта Шарлин, она кто такая?

– Шарлин Уиттсток, мамочка, вышла замуж за принца Монако, Альберта Второго! Неужели ты не помнишь? Их свадьбу по всем каналам в новостях показывали!

– Галя, пойдем, – теперь уже отец потянул маму за рукав. – Какое нам дело до принца Монако? Пойдем в школу, там тихо, спокойно, там никто не женится...

Родители ушли, и я быстренько собралась вслед за ними. Можно было не торопиться, рабочий день у нас начинается в девять, но Маринка сейчас ни о чем, кроме своей свадьбы, говорить не может. А у меня от этих разговоров портится настроение. Может, сестренка права, может, я ей просто за-

видую?

Я пришла в офис за полчаса до начала рабочего дня, но Ниночка уже сидела за своим рабочим столом и скачивала из Интернета криминальные новости. Не отвлекаясь от этого занятия, она выслушала мое мнение о младших сестрах вообще и моей Маринке в частности, о прискорбной приверженности нормальных, казалось бы, людей к пышным свадебным торжествам и об институте брака в целом. Наш мудрый секретарь-референт не пыталась меня утешить или тем более возразить мне. Она ограничивалась сочувственными междометиями, и минут через двадцать я успокоилась и даже повеселела. А потом на столе Ниночки зазвонил телефон...

– Спорим, клиент. – Ниночка сняла трубку с базы, но не спешила включать ее.

– Зачем мне против своих интересов спорить? Пусть будет клиент.

Нина хихикнула и нажала на кнопку:

– Добрый день. Детективное агентство «Шиповник», чем мы можем вам помочь? – Несколько секунд она молча слушала, потом подмигнула мне и показала большой и указательный палец, сложенные колечком, о'кей. – Да. Да, разумеется. Одну минуточку. – Нина придвинулась к столу, и ее пальцы запорхали над клавиатурой компьютера. – Иван Антонович Алябьев. Хорошо, мы вас ждем.

– Кого это мы ждем? – Баринов, который только что вошел в приемную, услышал ее последние слова.

– Некий господин Алябьев, потенциальный клиент. Будет у нас через час. О своих проблемах по телефону говорить не захотел, но явно нервничает – мычит, пыхтит и заикается. – Нина улыбнулась. – Гоша будет доволен.

Гошка, мой напарник, считает (и не без оснований), что, если человек нервничает, он легче расстанется с деньгами. Не просто так, разумеется, расстанется, а оплачивает решение своих проблем. Но поскольку проблемы решаем мы, то и деньги поступают на счет детективного агентства «Шиповник». Что, естественно, не может не радовать всех нас – ведь мы, четверо, не только сотрудники, но и совладельцы агентства, значит, кровно заинтересованы в его финансовом благополучии.

– Кстати, где он, Гоша? – Александр Сергеевич вопросительно взглянул на меня.

Правильно, раз мы с Гошкой напарники, значит, с меня и спрос. Только я понятия не имею, где мой старший товарищ в данный момент находится.

– Сейчас позвоню спрошу.

– Скажи ему, что клиент через час будет, пусть не задерживается. А ты, Нина, посмотри, что есть на этого Алябьева.

– Как обычно. – Ниночка уже запустила поиск.

Александр Сергеевич удалился в свой кабинет, я тоже, чтобы не мешать Ниночке, ушла в нашу с Гошкой комнату

и взялась за телефон.

– Гоша, ты где?

– Выхожу из дому. Не поверишь, Ритка, проспал! А что, случилось что-нибудь?

– Нет, просто один милейший человек собирается через час к нам заглянуть, денежку предложить. Шеф решил, что ты не захочешь это пропустить.

– Ха! Я через двадцать минут на месте буду. Главное, чтобы этот твой милейший человек не передумал.

Алябьев не передумал. Он даже пришел не через час, а минут на десять раньше, чем очень порадовал Гошу. Если клиент торопится поручить нам решение своих проблем, значит, он нервничает и, следовательно, морально готов платить, и платить щедро... в общем, вы уже в курсе.

Потенциальный клиент оказался молодым человеком лет тридцати. Высокий, приятное лицо, хороший костюм, светлая рубашка с расстегнутым воротом, тонкая кожаная папка в руках – он смотрелся бы очень неплохо, если бы не лишний вес. Не люблю я толстых мужчин, а Алябьеву килограмм двадцать надо сбросить, не меньше.

Пару минут заняла церемония знакомства, потом мы прошли в кабинет Баринова. Алябьев с сомнением посмотрел на наше «клиентское» кресло и осторожно опустился на обтянутое кожей сиденье. Папку он сначала пристроил на краешек стола, но тут же передумал и положил себе на колено.

Мы с Гошей заняли привычные стулья, и Александр Сергеевич любезно предложил:

– Расскажите, что у вас произошло.

– Даже не знаю, с чего начать. – Алябьев нервно почесал шею. – Как-то глупо все, до предела. Я два дня думал, потом понял – самому мне не разобраться... в смысле, не справиться. Тут нужны люди, которые знают, так ведь? Я имею в виду, что надо же уметь... – Он снова поскреб шею и замолчал.

Александр Сергеевич деликатно кашлянул, но Алябьев продолжал задумчиво чесаться. Настроение у меня снова начало портиться. Люди, которые вот так, бестолково и невнятно, говорят, умудряются и дела свои запутать до полного безобразия. Значит, набегаемся мы, зарабатывая свои деньги, по полной программе! А мне еще с Маринкиным букетом сегодня надо разобраться.

– Вам нужны люди, которые знают и умеют. – Шеф понял, что клиента нужно немного поддержать. – Что умеют?

– Да всякое такое... убийцу, например, найти.

– Значит, речь идет об убийстве. – Убийствами нам приходится заниматься не часто, но бывает и такое. Ничего, справляемся: до сих пор всех находили. – И кто жертва?

– Жертва?

– Убили кого? – не выдержал Гошка.

– Так меня же. – Алябьев ткнул себя пальцем в грудь. – То есть он не убил еще, конечно, а только собирается. Но мне все равно не верится. Такие дела... мы же столько лет

вместе! В институте вместе учились, и потом, фирма у нас...

– Кхм, – снова кашлянул Баринов. – Будет лучше, если вы просто ответите на мои вопросы.

Клиент смутился.

– Я непонятно рассказываю? Хотя, наверное, да. Обычно со мной такого не бывает, но сейчас в голове просто каша какая-то. Вы спрашивайте, я постараюсь ответить.

– Хорошо. Вопрос первый. Вы подозреваете, что кто-то хочет вас убить?

– Да мне бы в голову такое не пришло, никогда! – Алябьев привстал и прижал руку к сердцу. – Мы ведь не бандиты какие, неужели договориться нельзя? Но когда тебя прямо предупреждают, поневоле задумаешься, так ведь?

– Э-э... минуточку. То есть вы хотите сказать, что получили предупреждение: вас собираются убить?

– Именно! Именно это я хочу сказать!

– И кто вас предупредил?

– А я знаю? Неизвестный доброжелатель.

Алябьев открыл папку и достал из нее лист бумаги, сложенный вчетверо.

– Вот, два дня назад в почтовом ящике нашел.

Он развернул листок и положил его на стол Баринова. Мы с Гошкой встали и тоже подошли к столу. Обычный лист белой бумаги, формат А4, и на нем всего одна строка: «Берегись. Паршин хочет тебя убить, ищет исполнителя».

– Паршин, это у нас кто? – повернулся Гошка к Алябьеву.

– Друг. Компаньон. Семь лет у нас в фирме, «Гефест» называется. Мы сразу после института... то есть сначала, конечно, сунулись туда-сюда. Но быстро поняли, что никакого смысла нет на дядю работать. Вот и начали свое дело. Семь лет бизнес поднимали, а теперь делимся. Такие дела.

– Что у вас за бизнес?

– Да так, всего понемножку. Сама фирма, «Гефест», я имею в виду, – это, в общем-то, большая общая бухгалтерия. А так у нас несколько небольших предприятий – кирпичный заводик, мастерская по ремонту оборудования, лесопилка и прочее. Ничего, все работает потихоньку, и кризис не помеха. Миллиардами мы, конечно, не ворочаем, но прибыль есть. Точнее, была. Но это понятно: когда между хозяевами свара, о какой прибыли можно говорить?

– Минуточку. – Александр Сергеевич взял со стола карандаш, повертел его в руках. – Я правильно понял: Паршин – это ваш компаньон?

– Да. Поэтому я и не могу поверить. Мы же с ним с первого курса... как ему такое в голову могло прийти? Конечно, мы в последнее время ругались много – раздел имущества все-таки, нервничаем оба.

– И вы получили вот это письмо. – Баринов постучал карандашом по листку, который все еще лежал у него на столе.

– В почтовом ящике нашел, – повторил Иван.

– А конверт где?

– Не было конверта. Только этот листок в ящике лежал.

– И кто автор, у вас никаких предположений нет?

– Нет. Не Валька, это точно. А так – кто ж его знает? Мир не без добрых людей.

– Валька – это Паршин? – уточнила я.

– Да, друг мой. – Алябьев невесело усмехнулся. – Хотя теперь, наверное, какой он друг? Я уже и офис себе снял в другом месте. Представляете, мы с Валькой Паршиным встречаемся только по предварительной договоренности! Бред какой-то! Но все равно я не верю, что это он... не может такого быть, чтобы Валька меня убить решил!

– А причины у него есть?

– Причины... – окончательно загрустил Алябьев. – Бизнес ведь у нас совместный. Причины всегда есть. Такие дела... мы ведь фирму вместе поднимали, с самого начала. И проблем у нас с Валькой никогда не было. Я же говорю, мы с института вместе. Валька такой ботаник, знаете – очки, костюмчик, ногти всегда подстрижены. Музыкальную школу окончил, на виолончели играл. И сейчас еще в консерваторию на концерты ходит. Никто его не заставляет, сам ходит, по доброй воле. В общем, весь такой положительный, хоть книжку с него пиши. Но в последнее время он изменился, здорово. Деньги, что ли, в голову ударили? Пока мы поднимались, пока пахали день и ночь, пока всю прибыль на развитие пускали, полный порядок был, никаких проблем. А год-два четыре назад вышли мы на приличный уровень, клиенты солидные пришли, заказы, оборот вырос... ну и деньги по-

явились. Работу мы с Валькой могли честно поделить, а вот с деньгами хуже получается. Да еще жена его воду мутит. Когда баба в деле, сами понимаете, без скандала не обойдется.

Алябьев оглянулся на меня и неуклюже извинился:

– О присутствующих, разумеется, не говорим. Но я жену от бизнеса подальше держу, а Валька со своей управиться не может. Я, конечно, тоже слабину дал, согласился взять Светку к нам главбухом. Знал ведь, что стерва, а все равно согласился. Это же из-за нее, из-за Светки, у нас с Валькой разлад пошел. Пока она свои бухгалтерские курсы не закончила, у нас как-то и поводов ссориться не было. А знаете, что я думаю? Я думаю, что, как только Светка бухгалтерию в свои руки взяла, она меня обманывать начала. Раньше сидела у нас одна пенсионерка, так у нее порядок был – все бумажечки по папочкам разложены, все ведомости, как у отличника в тетрадке, где какая проводка, ордера кассовые, что приход, что расход – куда какая копейка пошла, сразу видно.

– А у жены Паршина такого порядка нет?

– О чем вы говорите?! У Светки весь стол бумагами завален, а ни на один вопрос внятно ответить не может. Я в квартальный отчет заглянул – ничего не понял. Главное, Валька же мне потом еще и выговорил, дескать, чего я в бухгалтерию лезу, жену его проверяю. А как мне не лезть, это же мои деньги! Валькины тоже, конечно, но и мои, так ведь! Пытался я с ним поговорить, да без толку, он только причитает, придурок: «Ах, Светочка расстроилась, ах, у Светоч-

ки давление поднялось!» Да плевать мне на ее давление, если я в отчетности собственной фирмы разобраться не могу! Как хотите, но греет меня эта сладкая парочка, я уверен. Но ничего, я их выведу на чистую воду! Я уже нашел аудиторскую фирму, пусть проведут проверку. И тогда Валька сам убедится, какая змея его благоверная. Хотя он, наверное, все равно не поверит.

Будет говорить, что у Светочки опыта нет, что Светочка ошиблась... тьфу!

– Сложные у вас взаимоотношения с партнером, – почувствовал Гоша.

– Просто работать невозможно! Доходы действительно упали, тут не только Светкин мухлеж. Но вы же понимаете, что, когда в руководстве фирмы доверия нет, нормальной работы не будет... такие дела.

– Но зачем же мучаться? Наверное, можно как-то разделиться?

– Да, мы тоже так решили: хватит, разбегаемся. Конечно, на разделе фирмы мы оба много теряем, но что делать? Эта грызня непрерывная уже всех достала.

– То есть сейчас вы занимаетесь разделом фирмы? И как идет, без проблем?

– Как же! Светка думает, что она самая умная, такой план раздела имущества подготовила – я, как просмотрел, только за голову схватился! По ее плану примерно так получается: маленькая лесопилка, с которой мы начинали, и бывший

гараж при ней, в этом гараже сейчас станция техобслуживания, это мне. А то, что гараж этот с самого начала был моей собственностью, что я его вложил как часть средств на развитие, – это вроде как никто уже и не помнит. Получается так – семь лет работали, вкладывались, бизнес развивали, а теперь что? Одному партнеру – долю, с которой он начинал, а второму все остальное, что нажито! Ясное дело, я возмутился и сказал, что найду независимого эксперта для оценки имущества. И про аудит тогда же сказал. Валька, тот вроде не возражал, а Светка покривилась, конечно, но куда ей деваться? А теперь я думаю: может, Валька потому и не стал спорить, что решил от меня избавиться? Подумал, что это ему дешевле обойдется, чем делиться? Хотя от Вальки я ничего подобного не ожидал. Понимаете, на самом деле, я как это письмо прочел, хотел сразу к нему пойти.

– Зачем?

– Спросить, правда ли это. Показать ему этот листок и, глядя в глаза, прямо спросить – правда ли это?

– Но не пошли?

– Нет. – Алябьев опустил глаза. – Я не пошел. Испугался, понимаете? Ведь если подумать, Вальке прямая выгода меня убить. Тогда все производство, без дележки, Паршиным достанется, плохо ли? И что мне делать, если это правда? Ведь Валька... конечно, мы в последнее время ругались, и Светка – стерва хорошая, но чтобы Валька меня убить захотел? Что угодно я мог подумать, но не такое!

– Что ж, в целом ситуация нам понятна, – подвел итог Александр Сергеевич. – Но скажите, что вы хотите от нас?

– Не знаю. – Алябьев виновато развел руками. – Я, собственно, и пришел к вам поэтому. Может, вы... вы ведь в таких делах лучше разбираетесь, должны знать, что мне теперь делать.

– Вариантов тут несколько. Самое простое – поговорить с вашим партнером. Сказать, что получили предупреждение и что, если с вами что-нибудь случится, все сведения о ваших подозрениях будут немедленно переданы в полицию. Убийца не уйдет от расплаты.

– Нет. А если все это ерунда и Валька ничего такого не думал? Как я ему в глаза потом смотреть буду?

– Можно обратиться в полицию. Их сотрудник под видом киллера обратится к Паршину, предложит свои услуги. Если Паршин согласится, то инсценируют вашу гибель, а потом при получении псевдокиллером денег заказчика возьмут с поличным.

– Про такие дела по телевизору показывают, регулярно, – недовольно поморщился Иван. – Вроде работает – выводят всяких гадов на чистую воду. Только не хочу я к ментам идти. Приходилось мне с ними общаться, и впечатление осталось самое неприятное.

– Вы были под судом? Следствием?

– Не хочу я про это говорить. Давно все было.

– Тем не менее мы должны знать, по какому поводу вы

имели дело с милицией.

– И в каком качестве? – добавил Гоша.

– Я же говорю, давно это было. Какой смысл вспоминать? – Алябьев посмотрел на Барина и сдался. – Брат у меня погиб, Илья, убили его. И менты меня подозревали, сильно. Еле отбился. – Он вымученно улыбнулся. – Десять лет прошло, но я с тех пор людей в погонах стороной обхожу. Не хочу с ними дела иметь, поэтому к вам и пришел. Вы сумеете такой же фокус с киллером разыграть?

– Думаю, что это можно организовать. Гоша или Рита выйдет на Паршина и предложит выполнить заказ.

Иван внимательно осмотрел Гошу, потом меня и сделал выбор:

– Лучше Рита. У Гоши лицо слишком интеллигентное.

Разумеется, напарник тут же расплылся в совершенно неуместной, на мой взгляд, улыбке, а мое настроение упало ниже нулевой отметки. Нет, как вам это понравится? У меня, значит, лицо недостаточно интеллигентное? Этот Алябьев сначала пусть на себя в зеркало посмотрит! Да у меня высшее педагогическое образование просто на лбу написано, заглавными буквами!

– Хорошо, пусть будет Рита, – невозмутимо согласился шеф и бросил на меня строгий взгляд. – Вы фотографию Паршина принесли?

– Да. – Иван снова порылся в папке и извлек цветную фотографию размером десять на пятнадцать. – Вот, это мы два

года назад фотографировались. Валька как раз машину купил, мы за ней в Москву специально ездили, в автосалон. И пригнали сами.

– Он и сейчас этой машиной пользуется? – Кончик карандаша коснулся зеленого «ленд-крузера», около которого, улыбаясь, стояли двое мужчин.

– Да. Светке он тоже машину купил, но она сама мало ездит. Предпочитает, чтобы ее Валька катал.

– Хорошая фотография, – одобрил Гоша. – И машина хорошо вышла, и вы с приятелем.

– Да, тогда мы с Валькой еще были приятелями, – печально подтвердил Алябьев. – А теперь машина, железо бездушное, осталась, а дружбы как не бывало. Такие дела.

Я тоже смотрела на фотографию с интересом, но на «ленд-крузер» бросила только один, не особенно внимательный взгляд. А что на него смотреть? Фото, действительно, хорошее, цвета четкие, модель не перепутаешь, и номер хорошо виден. Я разглядывала не машину, а ее хозяина. Поскольку справа, без сомнения, стоял наш клиент, значит, тот, что слева, – это и есть его бывший приятель, Валентин Паршин.

Действительно, ботаник. Намного ниже Алябьева, более тщедушный и обязательные очки на носу. Интересно, у него, по мнению нашего клиента, лицо достаточно интеллигентное? Наверняка да – уж если у Алябьева Гошка в интеллигенты попал... Нет, я не хочу сказать про напарника ничего плохого, он вовсе не выглядит бандитом с большой дороги –

скорее, у него ампула «своего в доску», «рубахи-парня». Но когда мы с ним рядом, по-моему, никаких сомнений даже возникнуть не может...

Пока я старательно пережевывала нанесенное мне оскорбление, Баринов с Гошкой продолжали работу.

– Нам понадобится встретиться с этим господином. – Карандаш шефа указал на сияющую физиономию Валентина Паршина. – Причем желательно, чтобы он был один. Где его можно перехватить?

– Чтобы Валька был один? – Иван задумался. – Даже так сразу и не скажу. На работу и с работы он со Светкой ездит, на обед тоже. Когда же он бывает один? – Пальцы его снова подобрались к шее, и я поморщилась.

Возможно, я не права, возможно, у меня сегодня просто дурное настроение, но смотреть, как скребет кожу этот человек, мне было неприятно. К счастью, на этот раз Алябьев чесаться не стал, только поправил воротник рубашки. И тут же радостно объявил:

– Знаю! В среду и в пятницу! По средам и пятницам Валька ездит в спорткомплекс, у него абонемент в бассейн. То есть с работы он вместе со Светкой выходит, ровно в четыре часа, и везет ее в салон красоты. Знаете, она Вальку так вымуштровала – он должен из машины выйти, дверцу Светке открыть, до крыльца салона довести, по ступенькам помочь подняться, дверь открыть... честное слово, не женщина, а ведьма какая-то. Валька ведь нормальный парень был

до того, как женился, а теперь скачет, как мартышка дрессированная.

– Любит, наверное, жену, – с легким упреком предположила я.

– Любит, – не стал спорить Иван. – Ну и что? Я свою жену тоже люблю, но я же не бегаю ей двери открывать. Была бы Светка инвалидом, тогда, конечно, другое дело. Но она здоровая, как лошадь, это я вам говорю. Хотя и любит глазки позакатывать: то у нее давление поднялось, то упало, то сердце не так стучит, то в боку колет, то еще какую хворь выдумает. Да тьфу на нее совсем!

– Супруга вашего компаньона, действительно, нас пока не интересует, – мягко согласился шеф. – Мы сейчас про Валентина Паршина.

– Вот я и говорю, что Валька Светку в салоне красоты оставляет и, пока она там физиономию полирует, сам в бассейне плещется. Бассейн «Дельфин», знаете?

– «Дельфин» знаем, – кивнул Гоша, – а салон красоты где?

– На Рабочей, а называется... как же он называется? Что-то такое, совсем не к месту... а, «Креатив»!

– Очень хорошо. – Разумеется, напарник похвалил не название салона красоты, он был доволен полученной информацией. – И сегодня у нас как раз среда. Сан Сергеич?

– Было бы логично, – согласился с невысказанным предложением шеф. И обратился к Алябьеву: – Мы беремся выяснить, кто вам угрожает. И если это ваш компаньон, мы

предоставим вам доказательства.

Мы с Гошкой дисциплинированно встали и покинули кабинет. Предварительный этап завершен, теперь высокие договаривающиеся стороны перейдут к подписанию документов. А оформление финансовых отношений, как не устает повторять Гошка, процесс интимный и не терпит многолюдья. Поэтому, пока шеф в кабинете обсуждает с клиентом условия договора, мы пьем чай в приемной и обмениваемся впечатлениями.

– Надо же, салон красоты – «Креатив». – Я стукнула по кнопке электрического чайника гораздо сильнее, чем следовало. – Кто им, интересно, такое название придумал?

– А что? – Гоша снял чайник с подставки и налил в него воды. – Очень современно звучит, я бы даже сказал, креативно. – Он вернул чайник на место и не удержался от короткого смешка. – Теперь можешь включать.

– Может, и современно, а мне не нравится. – На этот раз я нажала на кнопку включения гораздо мягче. – И я не рискнула бы в салон с таким названием пойти. Откуда я знаю, какая такая креативная идея им там в голову придет? А лицо у меня одно-единственное.

Обычно на то, чтобы подписать договор с клиентом, у Александра Сергеевича не уходит много времени. С Алябьевым он тоже управился быстро, но чай мы выпить успели. Я даже чашки сполоснула и убрала на место, когда наш новый

клиент появился на пороге кабинета. Посмотрел на меня, на Ниночку, потом подошел к Гошке и тихо спросил:

– Что, вы теперь прямо сегодня за дело и возьметесь? Сегодня с Валькой говорить будете?

– А чего тянуть? – вопросом на вопрос весело ответил Гошка. – Устроим твоему приятелю проверку на вшивость. Если согласится киллера нанять, значит, не зря тебя неизвестный доброжелатель предупреждал. А если пошлет нас... тогда что ж, тогда этого доброжелателя поищем.

– Да, если бы Валька вас послал, было бы здорово! – мечтательно произнес Алябьев и снова почесался. Экзема у него, что ли, на нервной почве? Так лечиться надо – солидный человек, а чешется все время, словно у него блохи! – Только я уже по-всякому думал, крутил – кто еще? И получается, кроме Вальки, некому! И понять, как Валька до этого дошел, тоже не могу. Такие дела...

Он еще немного потоптался около Гошки, объясняя, насколько его угнетает вся эта история, потом, наконец, ушел. А мы дружно направились в кабинет Барина.

– Ну, что скажете, молодежь? – Этим вопросом шеф традиционно открывает совещание.

И, опять же по традиции, как самая младшая, первой высказываюсь я. В этот раз я была до предела лаконична.

– Мне он не понравился.

Все уставились на меня, ожидая продолжения, но я молчала. Просто не знала, что сказать. Мы с Гошкой давно распре-

делили роли злой-добрый полицейский. В роли злого блистательно выступает Гоша – он подозревает всех, невзирая на лица. Потерпевший, свидетель, случайный прохожий – все они могут оказаться если не преступниками, то уж лицами, желающими скрыть улики и ввести следствие в заблуждение. А добросовестность и законопослушность наших клиентов он подвергает сомнению автоматически. Как ему удастся совмещать это с громко провозглашаемым «это милейший человек», спрашивайте не у меня, а у Гошки.

Я столь же усердно исполняю роль полицейского доброго – всех защищаю, причем делаю это совершенно искренне. Гошка говорит, что нелепая вера в людей – это остаточное явление моего педагогического прошлого. Рудимент. Возможно, он прав, но я действительно согласна с Иешуа Га-Ноцри, который всех людей считал добрыми. Есть, конечно, преступники, но они, скорее, люди несчастные, не получившие в детстве должного воспитания и не сумевшие найти достойное место в жизни. Это не значит, что их не нужно наказывать – я далека от всепрощения или от идеи всякое возмездие оставлять Господу. Есть закон, есть суд и есть мы, детективное агентство «Шиповник». И мы, в меру сил и возможностей, помогаем бороться с преступниками.

Впрочем, все эти рассуждения – тема для философского трактата. А я просто хотела сказать, что сомнения в добросовестности клиента у нас обычно выражает Гошка. А я его, этого клиента, защищаю. Поэтому мое заявление вызва-

ло некоторое недоумение.

– За что такая немилость? – поинтересовался Баринов.

– Э-э... – ничего разумного я придумать не успела, поэтому ляпнула: – Чешется он, все время.

– Серьезная причина. – Шеф продолжал смотреть на меня, и я не выдержала, опустила глаза. – Еще что-нибудь? Хотя бы на уровне интуиции?

– Не знаю. Бестолковый он какой-то. Солидный бизнесмен, руководитель фирмы, а весь словно пластилиновый. Никакой четкости: то ли приятель заказал его, то ли не мог этого сделать, то ли он этому приятелю верит, как себе, то ли нет. Кто ему предупреждение отправил – понятия не имеет, зачем к нам пришел – тоже сам не знает. За все время только одно уверенное суждение и было, что жена Паршина – стерва. Но это тоже ни о чем не говорит: может, Алябьев сам к этой дамочке неровно дышит, вот и наговаривает на женщину.

– Это все? – Александр Сергеевич дождался моего кивка и продолжил: – Неубедительно. У нас почти все клиенты, когда приходят, не знают, чего они хотят. Да и с четкостью суждений, как правило, у них проблемы, так что это не показатель.

– А я знаю! – разулыбался Гошка. – Ритка на Алябьева обозлилась за то, что он ее в уголовницы записал. Решил, что она на роль киллера больше меня подходит!

– Между прочим! – Я подняла голову и расправила пле-

чи. – До сих пор все считали мое лицо достаточно интеллигентным. Только твой Алябьев почему-то решил, что я за убийцу сойду!

– Он же тебя не знает совсем, – вступилась за клиента Ниночка. – А ты сегодня, действительно, мрачновато выглядишь. Кстати, с лицом все равно надо будет что-то сделать. Я не думаю, что Паршин тебя за киллера принять может, даже если ты будешь хмуриться, как сейчас.

– Положим, Рита будет изображать не киллера, наемные убийцы у нас, слава богу, по городу пока не ходят и свои услуги гражданам не предлагают, – возразил Баринов. – Она выступит в качестве посредника.

– Посредник? – Нина скептически на меня посмотрела и покачала головой. – Не знаю, не знаю...

– Да ерунда все это, – вступил в обсуждение Гошка. – Я за десять минут Ритке такое личико сделаю, что от нее народ шарахаться будет!

Только этого мне не хватало! Мало того что клиент только меня в образе убийцы видит, так еще родной напарник собирается из меня пугало сделать! Я открыла рот, но высказаться не успела, за меня заступился шеф.

– Нет, ничего экстремального не нужно. Ты же не собираешься этого Паршина до сердечного приступа довести? Достаточно будет положить тон потемнее, да морщинок добавить. И шрам сделаешь небольшой, но заметный.

– Хорошо. – Гошка подмигнул мне, и я сердито отверну-

лась.

– Продолжаем по Алябьеву, – вернулся к основной теме Александр Сергеевич. – Гоша, что ты скажешь?

– Я с Риткой не согласен. Нормальный мужик, просто ситуация для него непривычная. Он искренне огорчен, ему не по себе, он немного боится и сильно расстраивается из-за того, что друг оказался способен на такую подлость. Кроме того, Алябьев в предательство друга до конца не верит и надеется, что все обойдется. При такой каше в голове будешь чесаться! Но я думаю, что у нас проблем не будет. Схема стандартная. Я подготовлю Риту, и она поговорит с Паршиным. Думаю, он клюнет на предложение.

– А если нет?

– Если нет, тогда все сложнее. Тогда у нас, кроме этой бу-мажки, – Гоша ткнул пальцем в записку с предупреждением, – ничего нет. А она наверняка напечатана на одном из принтеров на фирме Алябьева. Вряд ли здесь замешаны люди со стороны.

– В любом случае все концы нужно искать в «Гефесте», – согласился Баринов. – Но пока сосредоточимся на Паршине. Нина, подготовь на него подробную справку. На Алябьева данные есть?

– Самые общие. Тридцать два года, живет в коттедже на окраине города, жена, двое детей, мальчишки шести и четырех лет. Бизнес стабильный, у налоговой претензий нет, с криминалом связи тоже нет. Я глубоко не копала, так что о

смерти его брата и о подозрениях против Ивана пока ничего сказать не могу.

– Значит, подними дело о смерти Алябьева-старшего, – распорядился шеф. – И справки на жен сделай, на Светлану Паршину и... как у Алябьева жену зовут?

Нина заглянула в блокнот:

– Галина.

– И на Галину Алябьеву. Желательно сделать это до того, как Рита отправится на встречу с Валентином Паршиным. В четыре часа, так?

– Так, – синхронно ответили мы с Гошей.

– Хорошо. – Баринов посмотрел на часы. – Времени у вас достаточно. Гоша, загримируешь Риту, прорепетируй с ней текст. Прикиньте разные варианты, что она Паршину скажет, и в два часа мне покажете. Вопросов нет? Приступайте.

Когда, наконец, закончится строительство нашего нового офиса (а мировой кризис его здорово затормозил), кроме нормальной кухни, тира и спортзала, там обязательно будут предусмотрены отдельные помещения для примерной и для гардеробной. А пока и то, и другое находится в нашей с Гошей комнате: примерная – это тумбочка с зеркалом у окна, а гардеробная – стойки с вешалками в углу за ширмой.

Гошка усадил меня перед зеркалом, достал из ящика и выложил на тумбочку в строгом, только ему одному известном порядке материалы, необходимые для моего превраще-

ния в сомнительную личность, пособницу наемного киллера. Кроме обычной (но очень высокого качества) косметики, там были коробочки с театральным гримом, гуммоз, гримерная краска, специальная жидкость для образования коллоидных рубцов и прочие хитрые приспособления. Потом напарник начал колдовать. Именно колдовать, другого слова я подобрать не могу. Мне не часто приходится гримироваться, обычно я обхожусь тем, что скрываю под париком рыжие волосы да подкрашиваюсь поярче. И ничего, проходит. Хотя, конечно, если внимательно посмотреть, узнать меня можно без проблем. Когда же за дело берется Гошка... с теми женщинами, которых он из меня делает, я даже не знакома!

Вот и сегодня на моих глазах напарник не рисовал, не лепил – он создавал мне новое лицо!

– Гошка, где ты этому научился?

– Чему этому? – рассеянно спросил он, прилаживая мне на нос характерную горбинку.

– Этому искусству. Ты же из меня просто другого человека делаешь!

– А ты как думаешь?

– Ну-у... – Никак я не думала, откуда мне знать, где готовят гримеров-волшебников. – Может, курсы какие, жутко засекреченные.

– Нет, Ритка, все гораздо проще. У меня родители гримеры, они и сейчас в нашем драм-театре работают. И я с детства за кулисами, в окружении таких вот коробочек. Это первые

мои игрушки были. Сначала я кукол гримировал, потом, лет в десять, отец со мной серьезно заниматься стал. Мама тоже пробовала, но у нее учительских способностей нет – показать может, а на объяснения у нее терпения не хватает. В пятнадцать лет я вместе с ними уже работал, некоторые актрисы, особенно пожилые, предпочитали, чтобы именно я их гримировал. Наверное, с тех пор я и предпочитаю женские лица. С ними интереснее, есть где развернуться.

– То есть ты по-настоящему работал гримером в настоящем театре?

– Ритка, не верти головой, ты мне мешаешь!

Я послушно замерла, напряженно выпрямив шею, и Гошка смиростивился, ответил:

– Ну, работал, и что такого?

– А почему ушел? – Я старалась, чтобы шевелились только губы.

– В армию забрали.

– И ты после армии в театр не вернулся?

– Как раз вернулся. – Гошка приклеил мне короткие светлые брови и осторожно разгладил их. – Смешно, конечно, получилось. Мне, пока я служил, гримерка каждую ночь снилась. Так хотелось в театр, что аж руки дрожали. После дембеля, прямо с вокзала, с чемоданом, к родителям на работу явился. В тот же день на работу оформился, счастлив был, как мальчишка. Собственно, я и был тогда мальчишкой... Сейчас не двигайся, я шрам буду клеить.

– А потом? – выдохнула я, не шевельнув ни одним мускулом.

– Потом останется только губки подправить.

– Я про театр. – В этот раз какая-то жилка, видно дернулась, потому что Гошка погрозил мне пальцем. Но на вопрос ответил:

– Я же говорю, смешно получилось. Проработал месяц и перестал понимать, чего я в этот театр так рвался? До того мне скучно стало, хоть волком вой. Вот я и сбежал. Родители расстроились, конечно: они мною так гордились, и вообще, династия! А я в школу милиции поступил. Вот и вся история. Или, как говорит наш новый клиент Иван Алябьев, – такие дела.

Он отступил на шаг, внимательно посмотрел на мое – точнее, уже не мое – лицо и спросил:

– Как думаешь, линзы цветные нужны?

– Нет, – быстро ответила я. – Не люблю я линзы, от них глаза чешутся.

– Это не важно, это ты потерпишь часок. – Оказывается, вопрос был риторический, напарник вовсе не собирался принимать мое мнение во внимание. – А к такому личику твои глаза не подходят. Сюда нужно что-то светлое, прозрачное... для полноты впечатления.

Он порылся в коробочке с линзами, выбрал пару и ловко вставил их мне в глаза. Я моргнула раз, другой, потом посмотрела в зеркало и признала:

– Ты прав. Знаешь, с таким взглядом я сама себя опасуюсь.

– Думаешь, слишком жестко получилось? Попробовать что-нибудь попроще?

– Не надо. Если улыбочку добавить, то хорошо будет.

Я слегка растянула губы, пристально глядя на свое отражение в зеркале, и Гошку передернуло:

– Нет, Ритка, лучше не улыбайся. А то вдруг у мужика нервы слабые.

Странно – женщина, на которую я сейчас смотрела, во все не была уродливой. Немного старше меня, черты лица правильные и даже приятные, небольшая звездочка старого шрама чуть ниже левого глаза тоже общего впечатления не портила. Да и мало ли от чего могут появляться шрамы? Необязательно же криминал – случаются и несчастные случаи, и автомобильные аварии. Я снова попробовала улыбнуться. Нет, Гошка прав, лучше не стоит. Разве что понадобится произвести на Паршина особо сильное впечатление.

Но откуда это ощущение жестокости, чистой, без малейшей примеси сомнения или жалости? Ведь это не какой-то другой, неизвестный мне человек, это я! С другим рисунком губ, с непривычными, белобрысыми бровями и ресницами, с неприятно светлыми, водянистыми глазами, но все равно это я!

– Гоша, – позвала я тихо. – Гоша, как же так? Неужели во мне это есть?

– Это в каждом человеке есть. – Напарник осторожно погладил меня по черному кудрявому парику. – Кроме святых, конечно. Но святые, сама понимаешь, это не по нашему ведомству.

– Увы. – Я поправила челку и поднялась со стула. – Ладно, теперь одежда. Джинсы мои, я думаю, можно оставить?

С одеждой мы возились недолго – мой привычный спортивно-джинсовый облик вполне годился для предстоящего дела. Только куртку Гоша велел заменить. Он перерыл наш гардероб и нашел ярко-зеленый двойной пуховик на алой подкладке, с отстегивающимся капюшоном.

– С внешним видом закончили. – Гошка два раза обошел вокруг меня и остался доволен. – Теперь займемся внутренним содержанием. Значит, как только Паршин высаживает жену, ты ныряешь к нему в машину...

Небольшая парковка около салона красоты «Креатив» была свободна, но Гошка остановился на другой стороне улицы, втиснувшись между ржавым грузовиком, который, судя по шапке снега, стоял там с начала зимы, и «опелем» золотистого цвета.

– Здесь и подождем, место хорошее. – Напарник выключил мотор и повернулся ко мне. – Значит, повторяю: Паршин может не пойти на контакт сразу, не дави на него. Дай мужику время на размышление, уйди, исчезни. Сейчас твое дело только забросить крючок с наживкой и посмотреть на

реакцию...

Мы все это уже обсудили, когда составляли схему разговора с Паршиным. Потом еще раз повторили, когда Гошка «сдавал» меня Баринову. Шеф внес несколько дополнений и замечаний, но в целом, и внешний вид, и план встречи, одобрил. Поэтому сейчас я слушала напарника не очень внимательно, хотя кивать в нужных местах не забывала. А когда он сделал короткую паузу, попросила:

– Гош, нам еще надо выкроить время в цветочный магазин заехать. Заказать этот чертов букет для невесты, глаза бы мои на него не глядели!

Гошка пару секунд помолчал, не сразу переключившись на новую тему, потом сочувственно спросил:

– Достали тебя?

– Не то слово! Главное, я Маринке говорю: чего тебе посреди зимы замуж приспичило? Подождали бы до лета. А она не хочет. Говорит, что раз Борька созрел до женитьбы, надо все делать быстро. Но летом ведь и приятнее и дешевле!

– Приятнее, да, но с чего ты взяла, что дешевле?

– Так летом фрукты-овощи почти даром. И просто даром, у маминой сестры дача, она сколько хочешь помидоров прищипит и огурцов.

– Риточка, сердце мое, не хочу тебя огорчать, но на свадьбе помидоры с огурцами не основная статья расхода. Гости в основном налегают на мясо и на водку, а они и зимой и летом в одной цене. Так что Маринка права, откладывать

смысла нет. Тем более опасно это – а вдруг мужик передумает? Не-ет, надо ковать железо, пока горячо. Кстати, что ей лучше подарить? Я сначала хотел картину на стену, потом пылесос, потом набор кастрюль... а может, лучше что-нибудь лично-персональное? Парфюм какой, особо крутой, или сережки? Чем ей больше угодишь?

– Отдай деньгами, – отмахнулась я. – Она у нас девушка практичная, так что деньгами ты ей всегда угодишь, не промахнешься.

– Нет, я так не хочу. Я же Маринке не чужой, а что-то вроде названного брата. Деньги что, фыр-р-рь, и нету их. А я хочу, чтобы память осталась. Чтобы она и через тридцать лет могла пальчиком ткнуть и сказать: «А вот это Гошка мне на свадьбу подарил!»

– Тогда точно не парфюм. Тридцать лет ни одни духи не проживут, а Маринка не настолько сентиментальна, чтобы пустые флаконы хранить.

– Ага, эту строчку из списка вычеркиваем, – обрадовался Гоша. – Уже хорошо. А вот это еще лучше! Ритка, видишь, машинка подъехала? «Лендкрузер»?

– Паршин! – Я нервно дернула дверцу, открывая ее.

– Подожди. Пока он припаркуется, пока мадам свою проводит... твой выход чуть позже. И микрофон не потеряй.

Вот ведь какой вредный человек мой напарник, все бы ему гадости говорить! Можно подумать, я когда-нибудь микрофон теряла! Роняла – это было, и даже наступила однажды,

растоптала нечаянно. Но не теряла же! Ничего, сейчас я ему тоже скажу... вот только придумаю что-нибудь язвительное.

– А ты не забудь магнитофон включить!

Не слишком удачно. Гошка даже не удостоил меня ответом, только хмыкнул.

«Лендкрузер» остановился, и дальше все было так, как рассказывал Алябьев. Водитель – маленького роста, субтильный, в очках – выскочил, обежал машину, склонился и открыл пассажирскую дверцу. Потом подал руку, помогая выйти жене, и, бережно поддерживая, пошел с ней к крыльцу. Они вместе поднялись по ступенькам и скрылись за белой пластиковой дверью.

– На старт, – тихо скомандовал Гошка.

Я снова приоткрыла дверь. Паршин вышел и остановился на крыльце. Посмотрел на небо, потом поправил шапку и несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух.

– Внимание...

Я поставила правую ногу на тротуар и приготовилась к рывку через дорогу. Паршин взглянул на часы и заторопился к машине.

– Марш!

Мне повезло: дорога была пуста и я не создала аварийную ситуацию, перебегая в неполюженном месте. Около «лендкрузера» мы с Паршиным оказались одновременно, и в тот момент, когда он усаживался за руль, я распахнула дверцу и плюхнулась на пассажирское сиденье.

– Здравствуй, родной.

Паршин вздрогнул и повернулся ко мне.

– А? – В первый момент он решил, что в машину села какая-то знакомая. Смущенно кашлянул, поправил очки и уставился на меня. Сомнение, недоумение, возмущение – Паршин относился к той категории людей, чувства которых мгновенно отражаются на лице. – Вы кто такая? Вы зачем? Вы что себе позволяете?

Я подняла руку в тонкой перчатке и погрозила указательным пальцем:

– Тихо, тихо. Не надо суетиться, это не похищение и не ограбление.

– Я надеюсь! – сердито ответил Паршин. Он очень хотел вышвырнуть меня, но представления не имел, как это сделать. Я просто видела, как в его голове мелькают варианты: вытолкать меня, выйти из машины и вытащить за шиворот, позвать кого-нибудь на помощь, позвонить в полицию... Паршин не мог быть уверен, что на применение грубой силы я не отвечу тем же, а устраивать вульгарную драку с незнакомой женщиной, да еще в собственной машине, он был не готов. Впрочем, привлекать внимание прохожих или милиции к той пикантной ситуации, в которой он оказался, Паршин хотел еще меньше. В конце концов он выбрал самый нелепый и абсолютно проигрышный способ, он нахмурился и строго произнес: – Покиньте, пожалуйста, машину. Я в ваших услугах не нуждаюсь.

– Ты уверен? – Я все-таки позволила себе улыбнуться, чуть-чуть, и Паршин резко отодвинулся. – А до меня дошел слух, что ты, родной, как раз в моих услугах и нуждаешься.

Он потряс головой и зажмурился в тщетной надежде, что это поможет и я исчезну, словно неприятная галлюцинация, потом приоткрыл один глаз. Увы. Я исчезать не собиралась.

– О чем вы? – теперь он говорил почти жалобно. – Я не понимаю.

– Хочешь, чтобы я объяснила? Хорошо. – Я стерла с лица улыбку и заговорила сухо и деловито: – Заинтересованным лицам стало известно, что вы, Валентин Григорьевич, ищите специалиста для выполнения некоего специфического заказа. А моя область деятельности – быть посредником в таких делах.

Я сделала паузу, но никакой внятной реакции на свои слова не дождалась. Паршин тупо таращился на меня и молчал. Хорошо, я буду еще более откровенна.

– Насколько мне известно, у вас появились некоторые проблемы, которые я могу помочь решить. За соответствующую плату, разумеется.

– Проблемы? – наконец у него прорезался голос. – Что вы имеете в виду?

– Скажем так: безвременная и трагическая кончина компаньона пришлась бы вам очень кстати. Намек понятен?

Глаза Паршина округлились. Он выставил вперед ладошки и забормотал испуганно:

– Да вы что! Вы с ума, что ли, сошли? Ни с того ни с сего врываетесь ко мне в машину и предлагаете убить Ваньку! Нет, вы ненормальная, точно, чокнутая! Как вам такое в голову пришло?

– Ошибаешься, родной. Я ничего не предлагаю, я только помогаю решать проблемы. Но! – Мой указательный палец снова закачался перед лицом Паршина. – Тем, кому моя помощь не нужна, я не навязываюсь. Прощай, родной.

Я приоткрыла дверцу машины, собираясь выйти, но Паршин схватил меня за рукав:

– Стойте!

Я медленно повернула голову, посмотрела на тонкие пальцы, вцепившиеся в зеленый рукав моего пуховика. Медленно перевела взгляд на Паршина. Он побледнел и торопливо отдернул руку.

– Простите. Но я действительно не понимаю... Откуда вы... откуда вы знаете? Про меня и про Ивана?

– О чем ты, родной? – Я засмеялась ему в лицо. – Ты всерьез рассчитываешь на ответ?

– Всерьез. – На этот раз Паршин не дрогнул. Лицо его приобрело деловое и сосредоточенное выражение, словно он решал сложную задачу. – Потому что дело серьезное. А я вас не знаю.

– Естественно, – согласилась я. – Ты меня не знаешь, я тебя тоже. А зачем нам это? Если мы не договоримся, то не увидимся больше никогда. Если договоримся... ты этого хо-

чешь?

– Нет, – быстро ответил он. – Да. Подождите я... я не знаю. Я не готов сейчас с вами говорить.

– Бывает, – равнодушно кивнула я и распахнула дверцу. – Хорошо, продолжим разговор позже. Возможно, продолжим.

– Да подождите же! – почти с отчаянием выкрикнул Паршин. – Я ведь не знаю, где... то есть как я смогу найти, в случае если... в смысле, что если я... ну, вы же понимаете, что я имею в виду!

Я слегка приподняла брови, бросила на него надменный взгляд и вышла из машины. Потом обернулась, наклонилась и подмигнула:

– Вот, когда будешь знать, чего хочешь... До встречи, родной!

Быстро, не оглядываясь, я добежала до угла и повернула. Через мгновение около меня затормозил Гошка, и я нырнула в салон.

– Молодец! – напарник показал мне большой палец. – Сначала он хотел за тобой рвануть, даже из машины выскочил. Но передумал. Постоял немного, потом вернулся за руль и ударил по газам.

– А мы чего стоим? Шеф, гони к спорткомплексу!

– Слушаюсь! А ты пока расскажи, как дело было.

– Ты же все слышал, – немного удивилась я.

– На слух не все можно верно оценить, а ты ему в глаза

смотрела. Паршин не обрадовался, когда ты пообещала избавить его от компаньона?

– Скорее, растерялся и немного испугался.

– Но возмущаться не стал.

– Не стал. И категорического отказа тоже не было.

– А что Паршин сказал, когда ты выходила? Он так невнятно блеял, что я ничего не понял.

– Спросил, как меня найти, если он что-нибудь надумает. Если! – Я презрительно фыркнула. – Не если, а когда! И я уверена, что это «когда» случится еще сегодня.

– Тебе виднее, – не стал спорить Гоша. – Это ты с ним разговаривала. Подгонять будем?

– Почему бы и нет? Если я ему сейчас еще и бумажку с номером телефона суну, быстрее дозреет.

Я достала из кармана небольшой картонный прямоугольник, на котором был только ряд цифр и ничего больше.

– Гоша, а где сам телефон? А то у меня только номер.

– Разве я тебе не отдал? – Он достал из кармана куртки и бросил мне на колени мобильник. – Вот, чистенький, только что из магазина. Взял по паспорту некоего господина Паршина, Валентина Григорьевича, уроженца нашего города.

– Ну и чувство юмора у Ниночки! – хихикнула я, убирая телефон.

– Это не чувство юмора, это разумная предосторожность. Вдруг Паршин додумается проверить номер телефона? Зачем нам лишние сложности?

Одним из важнейших предметов в школе начинающего детектива, которую я сейчас прохожу, и Гошка, и Александр Сергеевич считают топографию родного города. Я регулярно тренируюсь, отыскивая по карте (а время от времени и на местности) кратчайший путь между двумя заданными точками, и ориентируюсь, даже в самых отдаленных районах, совсем неплохо. А Гошка вообще знает наш город лучше любого профессионального таксиста. Поэтому, хотя ехали мы не торопясь, у бассейна «Дельфин» были минут на пять раньше Паршина.

Я вывернула зеленый пуховик алой изнанкой наружу и поменяла кудрявый черный парик на блондинистый, с длинными волосами. Поправила челку и посмотрела в зеркало:

– А что? По-моему, совсем неплохо выгляжу.

– Паршин подъехал, – откликнулся напарник.

Не совсем то, что мне хотелось бы услышать, но предъ-
явить Гошке претензии я не успела.

– Иди, – скомандовал он. – Встретишься с ним у дверей.

Я послушно выбралась из машины и неторопливо поднялась на высокое крыльцо. Паршин от машины почти бежал: наш разговор задержал его и теперь он опаздывал, но на обледеневших ступенях сбавил скорость. У дверей я остановилась, подождала и, точно рассчитав время, обернулась в тот момент, когда Паршин встал за моей спиной.

– Ну, как? Ты уже готов?

– А? – Он споткнулся, нелепо взмахнул руками, удержи-

вая равновесие, и устоялся на меня.

— Вот номер телефона. — Я протянула ему картонный прямоугольник. — Звони в любое время, родной.

Паршин вздрогнул, только теперь узнавая меня. Не дожидаясь, пока он придет в себя и заговорит, я сбежала по ступенькам и скрылась за углом здания. Что было потом, мне рассказал Гошка.

— Мужик исполнил настоящий танец, менуэт, музыка Бокерини! Сначала он дернулся за тобой, но поскользнулся и едва не сверзился со ступенек. Поскольку к тому времени, как он обрел равновесие, ты уже скрылась, Паршин догонять тебя передумал. Посмотрел на картонку, которую ты ему дала, разорвал ее и бросил в снег рядом с крыльцом. Потом подошел к двери, взялся за ручку, тут же отпустил, повернулся, сделал два шага назад, снова повернулся и сделал два шага к двери, но за ручку братья уже не стал. Топнул левой ножкой, развернулся в третий раз и спустился с крыльца. Покопался в снегу, нашел обрывки и сложил вместе. Полюбовался, потом зажал в кулаке и выругался, довольно громко. После чего плюнул и строевым шагом вернулся к дверям. Там остановился, погрозил в пространство кулаком и, наконец, вошел в спорткомплекс. Дверью, между прочим, хлопбыстнул так, что в фойе, наверное, штукатурка посыпалась. — Напарник скорчил забавную физиономию, захлопал глазками и жеманно пропел: — Надо же, а на вид такой интеллигентный человек... никогда не подумал бы, что он настолько невос-

питанный!

– Думаешь, он уже решился? – серьезно спросила я.

– Не знаю. – Гошка сразу перестал паясничать. – Но то, что он здорово задумался, это точно.

Разумеется, именно в этот момент позвонила моя драгоценная сестрица.

– Ты, конечно, забыла про мой букет! – без предисловий, скандальным голосом объявила она. – Ритка, я тебя предупреждаю, без букета я даже близко к ЗАГСу не подойду!

– Подумаешь, напугала, – огрызнулась я. – Ты это Борьке скажи, на тебе он жениться хочет, а не я.

– Нет, Борьке нельзя. – Маринка сразу сбавила тон. – Он, конечно, настроен, решился и все такое... Но зачем подавать мужику дурацкие идеи?

– До Борьки любые идеи, что дурацкие, что гениальные, очень медленно доходят, – утешила я сестру. – Ты ему год в голову вбивала, что жениться на тебе – прекрасная мысль. Сейчас он воспринимает вашу свадьбу как неизбежность, и то, что есть возможность от этого мероприятия увильнуть, догадается тоже через год, не раньше. И смирится с тем, что случай упущен. Разве что ты к тому времени наиграешься в счастливую семейную жизнь и сама решишь развестись.

– Даже не надейся. – Маринка хихикнула и совсем уже мирно попросила: – Ладно, Ритка, не будь свиньей, займись букетом. Мне правда совсем-совсем некогда!

Пожалуй, такая просьба – это максимальная вежливость,

на которую сейчас способна сестренка. Что ж, когда к нам с уважением, то и мы в ответ с пониманием.

– У нас тут как раз немного свободного времени образовалось. – Я вопросительно взглянула на Гошку, и он, соглашаясь, кивнул. – Сейчас мы съездим, закажем твой букет.

– Ты с Гошкой! – обрадовалась Маринка. – Ой, как хорошо! А то я переживала немного, ты же в цветах ничего не понимаешь. С тебя станется ромашки с васильками заказать.

– Ну, знаешь, это уже безграничное нахальство, – возмутилась я. – Раз так, поезжай в магазин сама и сама заказывай букет!

– Зачем? – Маринка явно посчитала, что моя обида не стоит ее внимания. – Ты говоришь, Гоша с тобой. А он сумеет выбрать, Гоше я доверяю.

– Ты... ты...

Увы, как это часто бывает, я не смогла сразу найти подходящие слова, а Маринка, естественно, не стала дожидаться, пока я придумаю что-то достаточно язвительное.

– Чао, сестренка, – прощбетала она. – Передавай Гоше привет. А если появятся вопросы, звоните, советуйтесь.

– Нет, ты слышал? – Я зачем-то сунула телефон Гошке под нос. – Ты слышал, что она сказала? Я, оказывается, ничего не понимаю в цветах!

– А ты понимаешь? – с любопытством спросил напарник, мягко отводя мою руку от своего лица.

– Нет, конечно! И васильки с ромашками – это очень сим-

патично! Но какое это имеет значение? Уж если ты посылаешь меня заказывать свадебный букет, то будь добра... – Я замолчала.

– Что «будь добра»? – Похоже, Гошке действительно было интересно.

– Ничего, – буркнула я. – Это же Маринка, ей ничего не докажешь. Поехали в магазин.

– Может, сначала в офис заедем? Приведешь себя в порядок.

– Стоит ли? Пока мы туда, пока обратно... «Лилия» здесь недалеко.

Я сняла парик и достала пачку влажных салфеток. Как смогла, сняла грим, стерла шрам. Совсем он не исчез, но стал почти незаметен. Попросила Гошку притормозить и аккуратно вынула линзы из глаз, спрятала их в коробочку. Потом причесалась, посмотрела в зеркало и повернулась к Гошке:

– Ну как?

Он улыбнулся.

– Годится. Конечно, это еще не ты, но на хорошо мне известную Риту Рошину эта барышня уже похожа.

В магазине, точнее – в салоне флористики «Лилия», кроме специалиста по свадебным букетам, милой девушки по имени Жанна, нас ждала сама хозяйка.

– Что же вы, Риточка, – мягко упрекнула она. – Разве можно букет на последнюю минуту откладывать? Это ведь важ-

нейший аксессуар, без букета невеста на свадьбе словно сирота.

– Угу, – мрачно согласилась я. – Вот и Маринка грозитя, что, если букета не будет, она и близко к ЗАГСу не подойдет.

– Ваша сестра совершенно права! Мы с Жанночкой приготовили вам образцы, самые модные сейчас тенденции. – Лилия Михайловна указала на милую девушку, которая держала на коленях объемный, большого формата, альбом.

– Свежие дизайнерские разработки, – прошептала Жанночка. – Новейшие тренды.

– А... а... – Я немного растерялась. Я была уверена, что нам покажут три-четыре, от силы пять разного вида букетиков. Я сделаю умный вид, осмотрю их, помня Маринкины наставления, решительно откажусь от васильков с ромашками, если они вдруг появятся, и ткну пальцем в букет, который покажется мне наиболее симпатичным. Нет, пальцем ткнет Гошка – раз сестренка ему доверяет больше, чем мне, пусть он и выбирает. Но этот альбом... сколько в нем фотографий? Тысяча? Нам что, неделю тут сидеть, картинки разглядывать?

– Здесь всего шестьсот двадцать четыре образца, – словно в ответ на мои мысли, сообщила специалист по свадебным букетам, – но если вы ничего не выберете, то я подготовлю другой комплект. Правда, это займет некоторое время...

– Ни-ни! – остановила я Жанночку. – Сестрица у меня, конечно, привередлива, но я уверена, что среди шестисот два-

дцати четырех букетов найдется хоть один, который будет ей по вкусу. Я, честно говоря, вообще думала взять что-нибудь готовое...

– Готовое! – Теперь она перебила меня, причем в голосе ее звучал священный ужас. – Как можно, это ведь свадьба! На Восьмое марта учреждения готовые букеты партиями закупают, это понятно, в школу тоже допустимо, на первое сентября или на День учителя. Но невеста с готовым букетом – это нонсенс!

Мне стало неловко. Хорошо, что Гошка заступился.

– Рита шутит, – объяснил он девушке. – Разумеется, нас не интересует ширпотреб.

– Простите, вы – жених? – заинтересованно уточнила она.

– Друг дома, – солидно ответил Гошка. – Марина мне как сестра, и я, сами понимаете, принимаю живейшее участие. Итак, ставим задачу: букет должен быть элегантным...

– Она просила белые розы, – вспомнила я, но эта парочка не обратила на меня никакого внимания. Гошка продолжал вещать, а Жанночка преданно смотрела на него и кивала.

– Разумеется, необходимы современность и изящество. – Парник на мгновение задумался, а Жанна тут же подсказала:

– И соответствие моде!

– Можно, – солидно согласился Гошка. – Но на моду мы смотрим в последнюю очередь. Главное для нас – это стиль.

– Разумеется! – Жанночка, наконец, открыла толстенный

альбом. – Прежде всего, я хочу обратить ваше внимание на букеты, скомплектованные из орхидей. Вот, пожалуйста: орхидея, кала, эустома...

– Он наполовину розовый, – проворчала я.

– Орхидея и эустома...

– Этот вообще желто-синий.

– Орхидея, фрезия, эустома...

– Но этот совсем не годится! Он пестрый, словно клумба!

– Ритка, что ты там бормочешь? – наконец соизволил обратиться на меня внимание напарник.

– Я говорю, что Маринка категорически против разноцветного букета! Она хочет белый.

– Понятно. Букет может быть любого цвета при условии, что он белый? – усмехнулся Гоша.

– Примерно так.

– Что ж... – Он снова повернулся к специалисту по свадебной икебанае. – Это несколько ограничивает наши возможности, но невеста имеет право на маленькие капризы. Смотрим только белый цвет.

– Тогда выбор гораздо меньше, – огорчилась Жанночка. – Но если невеста настаивает... смотрите: роза и фрезия – очень элегантно. Или вот этот, калла и ландыш – мило и свежо. Совсем простенько, роза и орхидея – но тоже неплохо. А вот, кстати, интересный вариант – орхидея и бовардия.

Она повернула альбом так, чтобы Гоше было удобно смотреть, и стучала ноготком по фотографиям, не обращая на

меня никакого внимания.

Такое явное пренебрежение было неприятно, и мне захотелось напомнить о себе. Я откашлялась и объявила:

– Марина хочет розы!

– В каком смысле? – вздрогнула Жанна. Очевидно, я перестаралась, и слова мои прозвучали слишком громко.

– Моя сестра хочет получить букет из белых роз, – немного убавила я звук.

– Белые розы – это, конечно, классика, – кисло согласилась Жанна. – Но совсем не современно и, вы уж извините меня, несколько простовато.

– А у Кейт Миддлтон были именно белые розы! – привела я убийственный аргумент. Но Жанна только сморщила носик:

– Подумаешь, Кейт Миддлтон, тоже мне икона стиля!

– Невеста хочет белые розы, значит, нужны белые розы, – пришел мне на помощь Гошка. – Но и в этом случае возможны варианты. Давайте посмотрим, что вы можете предложить?

– Что уж тут предлагать? – погрузнела она. – Может, хоть веточкой орхидеи оживим? Бледно-бледно розовой? Ее и незаметно будет совсем!

– Если незаметно будет, то какой в ней смысл? – возразила я. – Нет, составляем букет только из белых роз. Но большой и красивый.

Вы поверите, что, имея такие простые и четкие усло-

вия задачи, мы выбирали образец еще сорок минут? А ведь именно так и было. Правда, я очень быстро отодвинулась в сторонку, предоставив Гошке право окончательного решения. В конце концов, мне и Маринка велела слушать, что он скажет, так чего я буду самостоятельность проявлять. Хотя, если сестренке букет не понравится, виноватой все равно окажусь я.

Лилия Михайловна подсела ко мне и взяла за руку:

– Риточка, что с вами? Вы как-то очень устало выглядите. Хотя, я понимаю, свадьба – это всегда так хлопотно. Слава богу, наша Мэричка пока замуж не собирается, надо сначала институт закончить. С другой стороны, хлопоты такие радостные! А знаете, Рита, давайте мы сейчас еще жениху бутоньерку подберем!

Вечером, дома, я получила свою минуту славы. Маринка явилась домой, когда я ужинала, и тут же отодвинула от меня тарелку с картошкой.

– В магазине была? Букет заказала? Рассказывай все подробно!

– Ничего интересного там не было. – Я потянулась за тарелкой, но сестренка ловко перехватила ее и переставила на плиту.

– А что было?

Не драться же мне с ней из-за ужина! То есть я бы уже и не возражала отвесить ей пару оплеух, но маму расстраивать не

хочется. У нее тоже нервы не железные. Я сдалась и коротко рассказала о походе в «Лилию».

– И если ты отдашь мне картошку, я скажу, где лежит фотография букета...

– Ха! А то я сама не знаю!

Естественно, она умчалась потрошить мою сумку, даже не подумав вернуть тарелку на место, пришлось мне самой вставать. Зато через минуту я испытала всю прелесть сестринской любви и нежности: Маринка влетела на кухню, обняла меня и поцеловала. Теперь уже мне пришлось проявлять чудеса ловкости – еще немного, и мой ужин разлетелся бы по полу. Мариночка, когда расчувствуется, широту жеста не рассчитывает.

– Вау, Ритка, классно! Именно то, что я хотела! И с бутоньеркой ты здорово придумала, молодец! Совсем другая картина: я с букетом, Боря с бутоньеркой в петлице... мы будем самой красивой парой! Пойду маме покажу!

И тайфун по имени Марина помчался в комнату. Я выдохнула и снова взялась за вилку. Но спокойно закончить ужин мне, разумеется, не удалось. Маринка, со всеми свадебными хлопотами, аппетит потеряла окончательно и искренне считала, что окружающим тоже вполне достаточно двух ложек мюсли на воде утром и баночки йогурта в обед. То, что я мюсли вообще на дух не переношу и что работа у меня требует больших энергетических затрат, которые надо восполнять полноценным питанием, в расчет не принимается.

Нет, картошку я доесть успела, а вот какао только в чашку налила (я знаю, знаю, что какао – это напиток утренний, ну и что? А я люблю и вечером, после рабочего дня, в покое и уюте выпить чашечку горячего какао!), как сестрица снова нарисовалась на кухне.

– Ритка, ты уже закончила? Пойдем быстрее...

– Я не закончила, – перебила я и показала Маринке чашку. – Я еще какао не выпила.

– Подумаешь! Бери с собой и пошли в комнату! Мы там с мамой гостей рассаживаем и совсем запутались – срочно нужна твоя помощь!

В первый момент я подумала, что Маринка окончательно рехнулась – какие гости и где они с мамой их рассаживают, – но, когда вошла в комнату, поняла, в чем дело. Мама нарисовала на большом листе бумаги что-то вроде буквы «П» – схему стола. Пронумеровала места, и теперь они с Маринкой, сверяясь со списком гостей, прикидывали, кого куда посадить. И мама еще не потеряла надежду привлечь к этому увлекательному занятию отца.

– Сережа, ты как думаешь, консерваторских подружек всех рядом посадим или лучше их с Бориными друзьями перемешать?

– Я знаю только одно, – он на мгновение высунулся из-за газеты, – молодожены сидят в центре. Рядом с ними свидетели и родители. Все. Остальные пусть садятся, как хотят, лишь бы мест хватило.

– Какой смысл их перемешивать, если у Борьки все друзья женатые и с женами придут? – Маринка сосредоточенно грызла карандаш. – Девчонок надо вот на этот край, оттуда удобнее выходить танцевать.

– Хорошо, твоих сюда. – Мама сделала на схеме пометку. – А тетю Надю с дядей Костей надо поближе к молодым. Они старые люди и обидятся, если их на край засунуть.

– Может, нам с Борькой им свое место уступить? – язвительно поинтересовалась Маринка. – Чтобы они не обижались?

Да, похоже, без меня здесь действительно не обойдется. Маринка со своей предсвадебной лихорадкой начинает перегибать палку. Еще немного, и она окончательно расхамит-ся, мама не выдержит и обидится, папа встанет на ее защиту – обычно он в наши женские разборки не вмешивается, но маму расстраивать не позволяет. На чьей стороне ввяжусь в свару я, пока не ясно, но Маринка в любом случае расплачется, и мама, скорее всего, тоже. Потом мы все будем долго выяснять отношения и просить друг у друга прощения, а осадок все равно останется. Нам это надо?

Я решительно шагнула в комнату, оттесняя сестру в сторону.

– Конечно, мы посадим их поближе к центру. В крайнем случае, мы с Гошкой подвинемся. Кто у нас еще есть из почетных гостей, всех в центр...

– Я в Интернете смотрела, и там сказано, что места муж-

чин и женщин обязательно чередовать, – снова влезла Маринка. – Но женщина не должна оказаться крайней!

– Я тоже это читала. – Мама положила карандаш и взяла в руки список гостей. – Но это по европейским правилам. Там еще было сказано, что супруги, кроме молодоженов, не должны сидеть рядом. А у нас такое не принято.

– Интересная идея! – оживилась Маринка. – Если разбить пары Борькиных приятелей и посадить к ним моих девчонков...

– Но идея хороша! – выразительно пропела я. – Ты действительно хочешь, чтобы твоя свадьба закончилась грандиозным скандалом, с дракой и битьем посуды?

– А что? – неожиданно хихикнула мама. – Какая свадьба без драки? И вспомнить потом нечего будет.

Папа опять выглянул из-за газеты, посмотрел на свою дражайшую половину с некоторым удивлением и снова спрятался.

– Нет, – строго сказала я. – Пьяную драку мы планировать не будем. Сейчас мы всех распределим так, что на нашей свадьбе будет исключительно мир, дружба, жвачка!

– Выпивка и жрачка! – радостно подхватила Маринка. – Я же говорила, без тебя, Ритка, нам не обойтись. Здесь требуется конкретное логическое мышление математика.

– Правильно. – Я устроилась рядом с мамой и взяла карандаш. – Поэтому лиц с абстрактным музыкальным мышлением просим заткнуться и не мешать!

Мама укоризненно покачала головой (когда кто-нибудь из дочерей употребляет, скажем так, неделикатные слова вроде «заткнись», это оскорбляет ее, как педагога-словесника), но замечание делать не стала.

Я уже сделала основную работу, остались только неприципальные мелочи, когда зазвонил телефон. Сначала мама, потом Маринка проверили свои мобильники.

– Рита, это твой!

Я похлопала себя по карманам, вытащила сотовый и пожала плечами.

– Мой молчит.

Телефон на мгновение умолк и тут же заверещал снова.

– Ой! – Я вспомнила про мобильник, который дал мне Гошка, и бросилась к сумочке. Торопливо вытащила надрывающийся аппарат и нажала на кнопку: – Я слушаю!

Из-за всей этой суеты голос мой прозвучал громче и, наверное, злее, чем обычно. По крайней мере, мама с Маринкой удивленно переглянулись.

На звонящего (я не сомневалась, что это Паршин, но пока пусть будет так, неопределенно – звонящий) это сердитое карканье тоже произвело впечатление – несколько секунд ничего, кроме частого дыхания, не было слышно. Я вышла из комнаты в коридор и уже не громко, но достаточно язвительно спросила:

– Говорить-то будешь, родной? Или так позвонил, номерок проверить?

Дыхание в трубке стихло. У меня даже мелькнула беспокойная мысль, не хватил ли Паршина удар, не помер ли он, не дай бог, от больших переживаний, прямо с трубкой в руке? Но прежде чем я решила, что пора принимать меры, он неуверенно прояммлил:

– Это вы? Я подумал...

– И что? – спросила я, не дождавшись продолжения.

– Я готов... готов обсудить с вами условия.

– Паршин согласен заплатить за устранение Ивана Алябьева пятьдесят тысяч долларов, – докладывала я на следующее утро старшим товарищам. – Когда, где и каким образом Алябьев будет убит – на усмотрение исполнителя. Но чем быстрее, тем лучше. Как я поняла, Паршин с некоторым трудом принял решение убить приятеля, но теперь хочет, чтобы все закончилось еще вчера. Доказательств исполнения заказа вроде фотографии трупа или залитого кровью паспорта не требуется. Господин Паршин и так узнает о гибели компаньона одним из первых.

– Как он собирается платить? – спросил шеф, привычно постукивая карандашом по столу.

– Тут мы немного поторговались: он хотел передать всю сумму сразу после выполнения заказа, но я посчитала, что это будет унижительно для меня как для посредника. И намекнула, что исполнитель может посчитать это прямым оскорблением.

– А он?

– Сначала вообще не понял, о чем я говорю, потом, кажется, испугался. Согласился на пятьдесят процентов предоплаты. Валюта по желанию исполнителя – рубли, доллары, евро... ему все равно. Я сказала ему, что сегодня в шесть вечера позвоню и сообщу, как передать деньги.

– Хорошо. План, как будем «убивать» Алябьева, уже есть?

– Пока только наметки, – ответил вместо меня Гоша. – Но мы с Риткой хотим что-нибудь пострашнее, покровавее, чтобы его до печенок проняло. Нервишки-то у господина Паршина, судя по всему, слабоваты.

– Не перестарайтесь. Алябьев еще не решил, пойдет он с нашими доказательствами в полицию или к самому Паршину.

– Хочет погрозить ему пальчиком и сказать: «Ай-ай-ай, как нехорошо так поступать?» – немного удивилась Нина. – Разве такие наивные люди еще не перевелись?

– Это не наивность, а простая порядочность, – заступилась я за Алябьева. – Он не хочет старого друга в тюрьму сажать.

– Поэтому я и говорю, не перестарайтесь, – повторил Баринов. – Если вы с Гошей Паршина до инфаркта доведете или вообще в могилу уложите, Алябьев вам спасибо не скажет.

– Мы аккуратно, – пообещала я. – Некоторые идеи мы еще вчера обсудили, часа через два план будет готов.

– Хорошо. Нина, ты что-нибудь о смерти старшего брата нашего клиента выяснила?

– Да. Хотя информации не очень много. Илья Алябьев был офицером. Командир части, участвовал в ряде локальных конфликтов на территории бывшего СССР. После третьего ранения вышел в отставку и вернулся в родной город. Устроился начальником службы безопасности небольшой фирмы, которая занималась перегонем и продажей подержанных иномарок. Десять лет назад он погиб, был застрелен у себя дома. Пистолет, который хранился у Ильи Алябьева, исчез, но больше ничего не пропало, так что это не было ограблением. Никаких следов в квартире убийца не оставил. Следов борьбы также не было – Алябьева застрелили, когда он сидел за письменным столом. Врагов и долгов у него не было, в криминале тоже не завязан.

– Кто-то вот так, просто, зашел и застрелил мужика? – с недоверием спросил Гоша. – Боевого офицера? Он что, сильно пьяный был?

– Экспертиза следов алкоголя или наркотических средств в крови погибшего не обнаружила.

– Стреляли в затылок? – предположил Баринов.

– Нет. В висок. В правый. Судя по следам пороха и по ожогу, с очень близкого расстояния, практически в упор.

– Странно.

– Да. Если бы не отсутствие на месте преступления пистолета, по всем признакам было бы чистое самоубийство. –

Нина перевернула листок блокнота, откашлялась и продолжила: – Основным подозреваемым следствие считало младшего брата погибшего, Ивана. Эта версия разрабатывалась довольно долго, но наш клиент держался твердо. Существование неприязненных отношений с братом отрицал, имущественные претензии тоже, признаваться в убийстве отказался и предоставил убедительное алиби. В конце концов от него отстали, а другого подозреваемого так и не нашли. Дело было закрыто в связи с неустановлением лиц, совершивших преступление, и списано в архив.

– Что ж, списано, значит, списано, – пробормотал шеф. – Для нас здесь ничего нет.

– Кроме объяснения, почему наш клиент правоохранительные органы недолюбливает. – Гошка встал со стула и потянулся. – Сколько ему десять лет назад было? Двадцать?

– Двадцать два, – ответила Ниночка, не заглядывая в блокнот.

– Молодой. Если его на убийство примеривали, то давили по полной программе, а он выстоял. Или, может, потому и выстоял, что сам братца старшего застрелил? А что, подсуетился, алиби надежное организовал, потом стырил у брата пистолет, в шутку приставил его к виску... Чужого человека этот Илья вряд ли так близко подпустил бы.

– Гоша, остановись! – Баринов бросил карандаш на стол. – Расследовать убийство Ильи Алябьева нас никто не нанимал. Наш клиент – Иван Алябьев. Вот и займитесь с Ритой

выполнением работы, за которую он платит.

– Так разве я против? Пойдем, Ритка, сочиним, как нам клиента нашего уюкошить поживописнее!

Я послушно поднялась и двинулась за напарником, но из кабинета выйти не успела. Хлопнула входная дверь, и Володя Стрешнев весело объявил:

– Привет труженикам частного сыска!

– Володя! Ты какими судьбами к нам?

– По долгу службы, ясное дело, не для собственного удовольствия! Хотя сами знаете, я к вам всегда рад заглянуть... Ниночка, золотце, я позавтракать сегодня не успел. Чайку бы!

– С бутербродами, – понимающе кивнула секретарь-референт и махнула мне рукой: – Рита, пойдем, поможешь мне.

Пока она освобождала свой стол от бумаг, я включила чайник и достала из холодильника колбасу. Нина привычно обругала мировой финансовый кризис, из-за которого застопорилось строительство нашего нового офисного здания. Там будет настоящая кухня, со встроенными шкафчиками, плитой и обеденным столом. Пока же все кухонные принадлежности стоят у нас на широком подоконнике, а если мы садимся пить чай вместе или в гости кто приходит, то устраиваемся в приемной, за столом Ниночки. Вот и сейчас мы в четыре руки делали бутерброды (солидные, ломоть колбасы должен быть не тоньше ломтя хлеба – других наши мужчины не признают) и прислушивались к разговору.

– Хорошо у вас, ребята, – заливался соловьем Володя, – и сами вы молодцы, только когда же вы клиентов выбирать научитесь?

– Это не мы их, это они нас выбирают, – немного напрягся Гошка. – Спорить не буду, разные люди случаются, но сейчас-то чем мы тебе не угодили?

– Так ведь опять на душегуба взялись работать! Ну, объясните вы мне, что вас вечно на такую публику тянет?

– Обижаешь, Володя, – добродушно возразил Баринов. – На душегубов мы никогда не работали, а вот доказывать невиновность людей, которых вы в убийствах подозревали, это случалось. И настоящих убийц мы, кстати, тоже находили, и тебе лично в руки передавали.

– Было, не спору. – Стрешнев подсел к столу и цапнул с тарелки бутерброд. – Но сейчас – то – сейчас совсем другое дело! Сейчас у вас в клиентах настоящий убийца, пробы негде ставить!

Баринов и Гошка последовали примеру гостя и взяли по бутерброду, мы с Ниночкой тоже подсели к столу.

– Ты что имеешь в виду? – Я есть не хотела, да и чай себе налила просто за компанию. – Если ты насчет Паршина, то, во-первых, он нам не клиент, а вовсе наоборот...

– Вот именно, наоборот! – Стрешнев едва не подавился колбасой, но говорить не перестал. – Конечно, наоборот, раз он, Паршин, как раз и есть жертва преступления.

– Что значит жертва? – теперь поперхнулся и закашлялся

Гошка.

– Паршина убили? – спросила я, вместо напарника. – Не может быть! И кто мог это сделать?

– Так я же вам и говорю, клиент ваш! Иван сын Антонов Алябьев – он и есть душегуб.

Несколько секунд мы все молчали, глядя друг на друга, потом Ниночка высказала общее мнение:

– Бред какой-то. Он не мог убить Паршина.

– А что он сам говорит? Алябьев? – осторожно уточнил Гошка.

– В том-то и дело, что ничего не говорит.

– Что, просто молчит, и все?

– По делу ничего не говорит. Вместо того чтобы облегчить душу и честно-откровенно ответить на наши вопросы, он твердит одно и то же: «Я клиент агентства „Шиповник“, я прошу встречи с Александром Сергеевичем Бариновым!» Не человек, а магнитофон какой-то!

– Теперь понятно, почему ты приехал, – не удержалась я.

– Между прочим! – Стрешнев ухватил последний бутерброд: – Никто не претендует? Тогда я съем. Так вот, между прочим, я здесь исключительно из уважения и хорошего отношения к вам. Я хочу знать, что связывает приятных мне людей с закоренелым преступником. Поэтому сейчас вы мне быстренько расскажете, зачем Иван Алябьев приходил в «Шиповник», чего он хотел и что было сделано?

– Не гони, Володя, – мягко остановил его шеф. – У нас ли-

цензия. Отношения с клиентом являются доверительными, и мы не имеем права ничего рассказывать о его проблемах.

– Извините, Сан Сергеич, но с сегодняшнего дня Алябьев является фигурантом уголовного дела, следовательно, ни о каких доверительных отношениях речи быть не может. – Володя сделал строгое лицо и многозначительно повторил: – У вас лицензия.

Баринов хмуро посмотрел на кусок бутерброда, который держал в руке и задумался.

Нина немного наклонилась вперед и коснулась рукава Стрешнева, переключая внимание на себя.

– Может, все-таки это не Паршин убит? – спросила она.

– Паршин, не надейся. По крайней мере, его жена и сотрудники в этом уверены.

– Но кто его убил? Когда? Зачем?

– И при чем здесь Алябьев? – внесла свою лепту я.

– Нет, девочки, все будет совсем не так, – засмеялся Володя. – Кое-какой информацией я с вами, конечно, поделюсь. Но сначала я получу ответы на свои вопросы. Итак, повторяю: меня интересует все, связанное с Иваном Алябьевым. Сан Сергеич?

– Хорошо. Если говорить коротко, Алябьев пришел к нам, потому что опасался за свою жизнь. В данный момент идет процесс раздела имущества между ним и его компаньоном, Валентином Паршиным. И Алябьев получил предупреждение, что Паршин решил от него избавиться и сейчас ищет

киллера. Ниночка!

Нина достала из ящика стола тонкую пластиковую папку, открыла ее и положила перед Стрешневым лист бумаги. Володя взял листок, прочитал единственную напечатанную на нем строчку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.